

П. И. Пучков. *Формирование населения Меланезии*. М., 1968, 226 стр.

Объектом исследования в рецензируемой книге является Центральная и Южная Меланезия. Автор рассматривает современный этнический состав населения входящих в нее архипелагов, определяет численность выделяемых на каждом из них этнических общностей (что оказалось далеко не простым делом), дает характеристику этнических процессов, протекающих в этой части земного шара.

Книга состоит из введения и шести глав. Во введении автор характеризует степень этнической изученности Центральной и Южной Меланезии. К сожалению, введение слишком кратко (всего 5 стр.), и это не дало автору возможности более детально проследить историю изучения, показать недостаточную изученность архипелагов, отдельных островов, отметить белые пятна, которых особенно много на Соломоновых островах и Новых Гебридах.

Следует согласиться с автором, что в целом современное состояние изученности «дает возможность выявить этническую картину Меланезии» (стр. 10). К этому можно добавить, однако, что многие детали этой картины не вполне ясны, а источниковедческая база разнородна, противоречива и подчас не безупречна: немалое место в ней занимают случайные наблюдения и поспешные выводы. Я хочу этим подчеркнуть, что написать рецензируемую книгу было нелегко. Список литературы, приведенный в конце книги, далеко не исчерпывает, конечно, всех проработанных ее автором трудов, причем нужные сведения приходилось собирать в них по крупицам. Но несмотря на все эти трудности, П. И. Пучков в максимально возможной при существующих условиях мере решил стоявшие перед ним задачи.

Глава 1 посвящена общей характеристике Меланезии и содержит краткий географический обзор, некоторые исторические сведения, демографический очерк, классификацию меланезийских языков, краткую характеристику типов этнических общностей и процессов современного этнического развития в Меланезии. Эта глава служит как бы продолжением введения, она подводит читателя к основным четырем главам, которые посвящены отдельным архипелагам: Британским Соломоновым островам (глава 2), Новым Гебридам (глава 3), Новой Каледонии (глава 4) и островам Фиджи (глава 5).

Проблема классификации океанийских языков весьма сложна, и во взглядах различных ученых на этот счет отнюдь нет единства. Как отмечает П. И. Пучков, «особенно сильный разноречивой наблюдается при попытках классифицировать меланезийские языки» (стр. 33). Можно добавить, что попытки эти имеют один недостаток: они основаны на признании процесса расхождения языков от языка-предка, но не учитывают процесса сближения языков рядом живущих этнических групп. Между тем оба эти процесса протекали одновременно и привели к появлению цепной связи языков, наблюдаемой не только на Новой Гвинее, что отмечает автор (стр. 30), но и в Меланезии. Создался сложнейший языковой клубок, распутать который с помощью лексико-статистического метода, не учитывающего процесса сближения языков, невозможно. «Предложено,— констатирует П. И. Пучков,— много... классификационных систем, сильно различающихся между собой» (стр. 40).

Характеризуя этнические процессы, протекающие в настоящее время в Центральной и Южной Меланезии, автор различает два вида этнической консолидации: во-первых, упрочение этнических связей внутри уже единого народа (например, у фиджийцев) и, во-вторых, слияние нескольких этносов в один народ (например, у новокаледонцев). Далее он подчеркивает, что процесс слияния может протекать по-разному: в одних случаях распространение единого языка опережает общественно-политическую консолидацию населения (например, на островах Банкс), а в других — отстает от нее (например, на о. Танна). Наконец, автор разграничивает микроконсолидацию, т. е. слияние этносов в рамках отдельных островов или небольших островных групп, и макроконсолидацию, т. е. слияние этносов в рамках целых архипелагов. Вводимые автором новые понятия и термины свидетельствуют о сложности и многообразии этнических процессов в Центральной и Южной Меланезии и, в частности, о невозможности свести эти процессы к чисто языковым.

Говоря о типах этнических общностей, автор также вводит новое понятие «этно-территориальное образование», близкое к понятию племени, но все же отличное от него: в племени, полагает автор, люди связаны общностью происхождения, а в этнотерриториальном образовании «внутренняя связь строится на территориальной основе» (стр. 60).

Есть два понятия племени: племя как этническая общность и племя как социальная организация. П. И. Пучков хорошо знает об этом и весьма справедливо пишет: «Отсутствие на многих островах Меланезии постоянной племенной организации принималось нередко за отсутствие племен вообще» (стр. 15). Но затем сам автор вступает на подобный путь, считая общность происхождения обязательным признаком племени как этнической категории, тогда как, по нашему мнению, — это признак племени как социальной организации, да и то необязательный: он имеется, например, у маори (сами названия племен говорят об этом: нгатипору — потомки человека по имени Пору, нгапухи —

потомки Пухи и т. д.), но его нет у меланезийцев, как нет, между прочим, и у ирокезов. Общность происхождения — признак рода, но племя этим признаком не обладает¹. Противопоставление племени этнотерриториальному образованию, когда речь идет о племени как этнической категории, неправомерно, потому что наличие отдельной территории — один из основных признаков племени, и связи между членами племени строятся также и на территориальной базе. На примере тех же ирокезов можно показать, что кровнородственные связи, с одной стороны, уже племени (общность происхождения — признак рода, или группы родственных родов), а с другой — шире племени (те же роды есть и у соседних племен). Ту же картину мы наблюдаем и у меланезийцев.

Представляется, что оснований для введения нового понятия «этнотерриториальное образование» пока нет. Племя — это и есть этнотерриториальное образование, и все выделенные автором этнотерриториальные общности можно считать племенами.

Наибольшее число вопросов вызывают главы, в которых говорится о Соломоновых островах и Новых Гебридах. Дело в том, что население этих архипелагов слабо изучено, и дать ответ на все вопросы автор мог бы лишь в том случае, если бы сам побывал на этих архипелагах.

Вызывает сожаление тот факт, что автор рассматривает не весь архипелаг Соломоновых островов, а лишь Британские Соломоновы острова, т. е. исключает из книги два острова: Бука и Бугенвиль. Мне кажется, что в данном случае географическое деление, являющееся одновременно в какой-то мере и этническим, можно было бы предпочесть административному.

Если объединить приводимые по Британским Соломоновым островам демографические и этнические данные, то получается, что на о. Малаита на один диалект приходится в среднем 2700 человек, на Гадалканале — 1200, на Санта-Исабель — 800, на Шуазели — 300, на Нью-Джорджии — 120 человек. Чем объясняется столь различная на разных островах языковая дробность? На этот вопрос ответа пока нет.

В следующей главе, посвященной Новым Гебридам, соединение демографических и этнографических данных вызывает сомнения в точности некоторых из использованных автором материалов. Так, по этим данным получается, что на острове Вануа-Лав 490 человек говорят на 12 диалектах, на острове Мота 329 человек говорят на 5 диалектах, на острове Урепарара 106 человек говорят на 4 диалектах (стр. 90, 94). Одно из двух: либо демографические и этнические данные относятся к разным периодам, либо число диалектов сильно преувеличено. Так, по А. Кэпеллу, на острове Вануа-Лав было всего 5 диалектов².

Не вполне ясен вопрос о едином языке на островах Банкс. П. И. Пучков пишет, что таковым, возможно, станет язык мота (стр. 95). Но Кэпелл приводит другие сведения: «Начиная с 1917 г., английский язык все более и более заменяет собою язык мота в религиозном обучении, так что сейчас язык мота, хотя еще используется учителями Меланезийской миссии, в значительной мере утратил свое значение»³.

Главы, посвященные Новой Каледонии и островам Фиджи, построены на значительно более обширной, многосторонней и достоверной фактической базе. Даже по списку литературы нетрудно видеть, что эта часть Меланезии изучена более основательно, чем другие. Здесь читатель получает весьма подробную информацию об этническом составе и этнических процессах.

Наряду с демографическими и этническими данными в книге встречаются краткие сведения об уровне социально-экономического развития населения архипелагов, о характере родовой организации. Степень изученности этих проблем не везде одинакова, и неудивительно, что в книге встречаются иногда неточности.

Так, исходя из того, что в северной части Новых Гебрид преобладает матрилинейность, а в южной — патрилинейность, автор пишет, что южная группа архипелага (острова Эроманга, Танна, Анейтея) достигла более высокого уровня социально-экономического развития, чем северная (стр. 81). Однако избранный им признак (матрилинейность, патрилинейность) не является, на наш взгляд, достаточно надежным критерием для определения уровня развития. Например, на Новой Гвинее матрилинейные тубрианцы выше по уровню развития многих патрилинейных племен.

Касаясь социального строя северной части Новых Гебрид, автор допускает неточность, когда утверждает, что «обычно каждый род живет в отдельной деревне» (стр. 81). Даже там, где есть родовая община (например, на Новой Гвинее), в одной деревне живет только часть членов рода, а другая часть, вступая в брак, уходит жить в другие деревни. А для Новых Гебрид характерна не родовая, а гетерогенная община, и в одной деревне живут члены многих частей родов (субкланов).

¹ Одни советские этнографы включают общность происхождения в число признаков племени, другие — нет. См. Н. Н. Чебоксаров, Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых, «Сов. этнография», 1967, № 4, стр. 100—101; В. И. Козлов, О понятии этнической общности, «Сов. этнография», 1967, № 2, стр. 104.

² A. Capell, A linguistic survey of the South-Western Pacific, Noumea, 1962, pp. 204—206.

³ A. Capell, Указ. раб., стр. 207.

Подчас, характеризуя социальный строй, автор проявляет чрезмерную осторожность. Так, говоря о фиджийской явуса, он пишет, что одни считают ее племенем, другие — фратрией, и не высказывает своего мнения. Между тем на одном Вити-Леву было более 600 явуса, на каждую в среднем приходилось по 200 чел.⁴ Для племени это слишком мало, к тому же на Вити-Леву было всего около 30 диалектов. Каждая явуса состояла из нескольких матангали, которые автор справедливо считает родами⁵. Видимо, явуса — это не племя, а группа родственных родов.

В шестой главе, последней, автор высказывает предположение «о будущем этническом развитии рассматриваемого района» (стр. 197). Эта глава невелика (всего 3 стр.), что вполне естественно, так как трудно предвидеть будущее. Негативные выводы автора весьма убедительны: пиджин-инглиш нигде не станет единым языком, франко-новокаледонцы вряд ли в ближайшем будущем сольются с меланезийцами, а фиджийцы — с индийцами. Что же касается позитивных выводов, то они по необходимости более осторожны. Слишком много неизвестных пока величин принимает участие в формировании будущих этнических общностей.

Заключают книгу два указателя: этнических и лингвистических, а также географических названий.

Книга П. И. Пучкова, несмотря на имеющиеся в ней отдельные неточности, представляет собой важный вклад в изучение Центральной и Южной Меланезии. Несомненно, она станет настольной книгой для этнографов-океанистов. Автор нарисовал этническую картину Центральной и Южной Меланезии с той степенью детализации и достоверности, как это позволяют сделать имеющиеся источники.

⁴ Даже меньше, если учесть, что в западной части острова этой социальной единицы до европейской колонизации не было (A. Capell and R. H. Lester, *Local divisions and movements in Fiji*, «Oceania», vol. XI, 1941, № 4, p. 318).

⁵ Досадная неточность допущена в томе «Народы Австралии и Океании» (М., 1956), где явуса трактуется как более мелкая, чем матангали, родовая группа (стр. 458).

Н. А. Бутинов